

ДЕРЖИСЬ, КАЧЕТИК!

Вот я пишу, и мне кажется, что не все смогу сказать, что неточно выражу мысль и еще много чего. Но, вспоминая Володю, что-то внутри говорит: давай, начинай, не сомневайся. В общем, начинаю...

С начала «Майдана» Качет много и регулярно писал в фейсбуке. В последний год, когда Володя ушел на войну, среди его комментариев, реакций на происходящее в стране и заметок о его последнем детище «Аэроразведке» начали появляться письма-исповеди. Они часто были пронизаны болью и отчаянием и в тоже время его непоколебимой уверенностью в правильности избранного пути, его теплом и любовью к жизни.

В своих постах он обращался ко всему миру, но в первую очередь, наверное, эти письма были адресованы нам, его друзьям и близким, и ему самому, как осознание своего жизненного пути, своей необыкновенной, многогранной судьбы. Часто, читая посты Володи о «буднях» «Аэроразведки», невольно срывалось с уст или писалось в комментариях два слова: «держись, Качетик!» Краткое и емкое, от всего сердца «держись, Качетик», чтобы как-то поддержать и мысленно защитить его от опасности, которой он просто смеялся в глаза. Чтобы как-то облегчить эту тяжкую ношу, часть которой он нес и за тебя. Чтобы, увидев эти два слова, он знал, что ты его помнишь и думаешь о нем.

Погиб Качет, подрывался на растяжке... Одной из первых фраз, прозвучавших из уст мамы Володи после трагического известия, была «это цена свободы Украины».

Первые часы, дни было невозможно осознать, что Володя погиб, что мы его больше никогда не увидим. Эта мысль не могла поместиться в сознании. Шок. Мы спасались друг другом, вместе было как-то легче переносить это щемящее чувство утраты. И с первого же дня мы почувствовали, что спасал нас сам Володя, который явственно возникал, когда мы начинали друг с другом его вспоминать. Так было в день его гибели, воскресенье 15 марта. Большая группа друзей Володи собралась вечером в художественной студии «Метаформ». Оцепенение, заплаканные лица, невозможность принять, поверить в произошедшее. Цветы, горящая свеча в центре круга. Таня Майданюк предложила повспоминать разные истории, эпизоды, связанные с Володей. В это трудно поверить, но через какое-то время мы начали искренне смеяться. Истории, связанные с Качетом, были исполнены такой непосредственностью, юмором, были так узнаваемы, что невозможно было удержаться от смеха. Мы явственно почувствовали его присутствие. Нам стало немного легче. Вся эта боль, эта трагедия исполнились света. Так мы спасались воспоминаниями, мыслями о Володе.

Во время таких встреч у каждого было ощущение, что именно с ним у Володи была особая связь, особые отношения. И это правда. Володя очень глубоко, интенсивно переживал людей и благодаря этому мог проникать к сердцевине человека. Каждый, кто близко знал Качета, переживал с ним сокровенные моменты. Он умел находить и открывать людей.

В следующий вечер мы поехали в военный госпиталь... Увидели Володю... Руки сложены на груди, его знаменитая борода и удивительно спокойное лицо. У гроба стояли ребята

из «Аэроразведки», с которыми Володя прожил последний год на войне. Выйдя на улицу, кто-то из ребят начал рассказывать один из военных эпизодов. Мы предложили продолжить рассказы прямо у Володи, нам всем было интересно. И снова для меня произошло чудо: очень скоро оцепенение, напряжение, тяжесть спали с ребят и снова появился какой-

то свет. Сами ребята из воинов, переживших то, что мало кто из нас может себе представить, стали вдруг непосредственными, озорными, влюбленными в своего командира «Чубакку» мальчишками. Мы стояли у Володи и периодически срывались на смех, потому что ситуации, связанные с Качетом в его военный период, очень напоминали нам многие наши истории из мирной жизни. Перед уходом кто-то обратил внимание, что на устах Володи видна была легкая улыбка. На следующий день ее почти не было заметно. А в тот вечер он как будто посмеивался вместе с нами этим историям и еще радовался тому, что мы познакомились друг с другом: его семья, старые друзья и его боевые побратимы.

Каждого из нас с Качетом связывает своя личная история, эпизоды, в которых были только мы вдвоем. Это то, что хочется беречь. Воспоминания и мысли о Володе вдруг стали источником, из которого можно было черпать силы и решительность для принятия решений. Я заметил, что мне крайне важны воспоминания других людей о Володе. Я узнаю, постигаю его по-новому. Мне важны мысли, откровения и сны с ним, приходящие ко многим из нас. Небо сейчас настолько открыто,

что мы можем слышать, дотягиваться друг до друга. Я надеюсь, что различные материалы, воспоминания о Володе, которые появляются и будут еще появляться и у нас, и во всех странах, где у него осталось много друзей, будут собраны в книгу.

Мне повезло прожить с Володей много разных периодов, ситуаций и «подвигов» юности. Походы с Верой Николаевной в рамках туристического кружка, самостоятельные большие походы в студенческие годы, школьные спектакли и жизнь агитбригады в 84-й школе, работа вожатыми в летних лагерях в Крыму, поступление в половину театральных вузов Москвы, 4-месячные театральные гастроли в Америку, знакомство и постижение антропософии, работа в издательстве «1-е сентября», бесконечное количество праздников, авантюры, поездки... Разве все это можно перечислить! Мы вместе с Володей и близкими друзьями были на Майдане. Володя помог сделать мне в жизни много шагов...

Он часто вовлекал своих друзей во все свои дела и начинания. Причем делал это со свойственным ему напором и волей. Мы, его друзья, часто невольно обнаруживали себя увлеченными чем-то, к чему никогда бы не пришли самостоятельно. Его активная позиция и участие в событиях на Майдане тоже никого не оставляла равнодушной. На передовую, в «Аэроразведку» он никого из нас, старых друзей, не звал. Это могло быть только самостоятельное, свободное решение любого из нас. Во время коротких приездов Володи домой, во время наших встреч я ни разу не услышал в нем нотки невольного упрека в том, что он там рискует жизнью, а мы здесь занимаемся мирными делами. Напротив, он ушел на войну, чтобы мы могли заниматься здесь «мирными делами»: школой, детьми, искусством, экономикой, чтобы жизнь продолжалась. Для него это

*Юра Вутянов
и Володя Кочетков,
Крещатик, 1989 г.*

было важным, он сам занимался «мирными делами» всю жизнь и сделал свой выбор: собрав воедино весь свой жизненный опыт, все свои знания, свою волю и энергию, он решил защитить наше право на мирную жизнь и в течение короткого времени сделал то, что сделать практически невозможно. Начав без денег, без поддержки на голом энтузиазме работу с любительскими дронами, он создал «Аэроразведку» и довел ее до уровня полноценного воинского подразделения в ВСУ. Если бы такое подразделение было на вооружении Украины с самого начала войны, сотен, тысяч людских жертв можно было бы избежать... Во время прощания с ним в Военной академии кто-то из ее руководителей так и сказал: деятельность Володи в «Аэроразведке» – это сотни спасенных жизней. И дело его продолжается.

После ухода Володи у кого-то искренне вырвалось: «стыдно жить»... У каждого, наверное, в эти дни невольно возникал вопрос «что я делаю, как я живу?»

Светлое чувство жажды по Володе останется с нами. В этом наша связь; в постижении, осмыслении пройденного нами вместе, в осознании тех начатых Володей дел, которые мы должны подхватить. В устремлении в будущее с новыми делами, поступками, встречами, идеалами. В этом устремлении мы с Володей едины, просто по разные стороны порога.

«Держись, Качетик» – мы о тебе думаем, часто вспоминаем, пытаемся как-то соответствовать твоим представлениям о дружбе, гражданской позиции, человеческом достоинстве и любви. Мудрецы говорят, что смысл человеческой жизни очень тесно переплетен с двумя понятиями – любовью и жертвой. У Володи было и то и другое.

*С любовью и светлой памятью.
Юрий Вутянов*